

УДК 821.112.2

**МОТИВ ВЫБОРА В РОМАНЕ Л. ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БЕРТОЛЬДА ОППЕРМАНА)****Н. Л. ЕРМАКОВИЧ***(Представлено: Л. Н. СЕМЧЁНОК)*

Анализируется специфика образа представителя молодого поколения Опперманов – Бертольда Оппермана, раскрывается своеобразие протеста юного Бертольда против надвигающегося национализма.

Творческое наследие Л. Фейхтвангера характеризуется богатой тематической палитрой и широтой культурно-исторических и географических горизонтов. Предметом его писательского становились и страницы новейшей истории (романы «Успех», «Семья Опперман», «Изгнание», «Братья Лаутензак»), и события тысячелетней давности («Лже-Нерон», «Иудейская война», «Сыновья», «Настанет день»). Однако при всём разнообразии исторических эпох, в которых приходится жить и отстаивать свои идеалы героям фейхтвангерских романов, каждый из них рано или поздно оказывается перед выбором. Именно мотив выбор становится у Фейхтвангера доминантным и определяет проблематику большинства его романов.

Роман «Семья Опперман» (Die Geschwister Oppermann, 1933) рассказывает историю еврейской семьи Опперман: Густава, Мартина, Эдгара, Клары и их близких. Действие романа происходит в Германии в 1932 и 1933 годах на фоне захвата власти нацистами. Постепенно, по ходу развития сюжетного действия, читатель вместе с героями приходит к осознанию того, что фашизм становится ненавистен всем представителям преуспевающего некогда семейства Опперман не только потому, что антисемитская политика поставила их вне закона, но и потому, что исчезло понятие о нравственности, долге, о добре и зле. В конце романа главный герой, Густав Опперман, осознает простую истину, что только действие может остановить и уничтожить фашизм.

Особое место в романе Л. Фейхтвангер отводит образу Бертольда Оппермана, семнадцатилетнему сыну Мартина и Лизелотты Опперманн, типичному представителю молодого поколения, ребенку от смешанного брака (Мартин Опперман – еврей, Лизелотта – христианка), воспитанному в немецкой культуре. Он – жертва психологического насилия, а его судьба – трагический вариант истории ассимиляции евреев в Германии.

Знакомя читателей с Бертольдом Опперманом, Фейхтвангер рисует образ обычного немецкого подростка, который интересуется, как и его дядя Густав, литературой. «Он, как и его дядя Густав, любил книги и спорт» [1, с. 277]. Густав Опперман был приверженцем просветительских идеалов, таких как гуманизм, вера в незыблемость понятий добра и зла, разумного и абсурдного, правды и лжи, чести и бесчестия. Гуманистические идеалы определяют и мировоззрение юного Бертольда. И именно в рассуждения семнадцатилетнего подростка Фейхтвангер вкладывает и явно близкие ему самому убеждения о двух ликах Германии: «Бертольд оглядывал длинные ряды книг, поднимающиеся до самого потолка. Все это было Германией. И люди, которые эти книги читали, тоже были Германией. Рабочие, которые в свободное время сидели в своих рабочих университетах над трудным Марксом, были Германией; и оркестр филармонии был Германией; и автомобильные гонки, и спортивные организации рабочих тоже были Германией. Но, к сожалению, «Сокровищница национал-социалистских песен» тоже была Германией, и весь сброд в коричневых рубашках – тоже» [1, с. 299].

После смерти учителя, который преподавал любимые предметы Бертольда (немецкий язык и историю Германии) в школу приходит новый преподаватель. И это сильно сказывается на положении Бертольда. Не только потому, что новый учитель будет преподавать его любимые предметы – немецкий и историю, а главным образом потому, что от этого нового учителя зависит, разрешат ли ему, Бертольду, сделать облюбованный им доклад «Гуманизм и двадцатый век». Знакомство с новым учителем, который является убежденным членом НСДАП, не сулит Бертольду ничего хорошего. Будучи напичканным антисемитскими предрассудками, господин Фогельзанг считает Бертольда врагом и желает вытеснить его из школы. Имя, внешность и гуманистическая тема доклада Бертольда сразу кажутся подозрительными учителю, который считает: «Есть Опперманы-евреи и Опперманы-христиане. Долго копать, однако, не приходится: еврей, разрушитель, враг, наметанному глазу тотчас же виден. «Гуманизм и двадцатый век». Всегда они прячутся под маской больших слов» [1, с.306].

Национал-социалист Фогельзанг бросает вызов Бертольду и предлагает новую тему доклада «Чем является для нас, современников, Арминия Германец?». И это вовсе не случайно, так как образ Арминия

использовался националистической пропагандой, с целью замотивировать всех военнослужащих на героические подвиги. В 1924 г. на экраны Веймарской республики вышел фильм «Битва Германа. Величественная картина далекого прошлого Германии», причем в рецензиях на него подчеркивались многочисленные параллели между древностью и современностью, и выражалась надежда на реванш за поражение страны и унижительные условия Версальского мира 1919 г. Как известно, на этих чувствах с успехом сыграл Гитлер. Вполне естественно, что в годы нацизма Арминий продолжал оставаться не просто популярной исторической личностью, а центральной фигурой древней истории, воплощением германского духа, германским гением. Пропаганда принесла свои плоды: далеко не случайно отправлявшиеся на фронт в начале Второй мировой войны немецкие солдаты фотографировались возле памятника Арминию.

Бертольд готовит для своего выступления логически выстроенные аргументы, он говорит, что *«Подвиг [легендарного Арминия] не имел, в сущности, видимых результатов. Несомненно, лютеровский перевод библии или изобретение Гутенберга сыграли для Германии и для ее знания в мире большую роль, чем битва в Тевтобургском лесу, а подвиг Арминия, это следует признать, не имел практического значения»* [1, с. 335].

Тогда Фогельзанг грубо прерывает его доклад, не позволяя высказаться до конца и в качестве подтверждения несостоятельности проделанной работы пользуется пропагандистской риторикой: *«Перед истинными немцами, в эти тяжкие для Германии времена, вы осмелились назвать бесцельным, бессмысленным титанический подвиг, положивший начало германской истории? Если в вас самом нет и искры национальной гордости немца, то избавьте хоть нас, национально мыслящих, от ваших мерзостей. Я запрещаю вам говорить так. Слышите, Опперман? Запрещаю не только от своего лица, но и от имени этого учебного заведения, которое пока еще является немецким»* [1, с. 336].

Следует обратить внимание на фамилию учителя Фогельзанг. Она имеет искусственное происхождение. Это значит, что она, в отличие от большинства немецких фамилий, не указывает ни на место жительства предка, ни на особенности внешности или поведения, ни на род занятий. Еврейские искусственные фамилии создавались намеренно немецкими чиновниками, на которых была возложена обязанность обеспечить евреев фамилиями. Это говорит о том, что убежденный член НСДАП, который руководствуется антисемитскими предрассудками, является не истинным немцем, хоть и заявляет о себе как о репрезентанте арийской нации: *«В то самое время, когда мы, истинные немцы, и в первую очередь мы, националисты, ведем нечеловеческую борьбу, добиваясь возрождения нации...»* [1, с. 339].

Заметим также, что фамилия Фогельзанг (в немецком написании Vogelsang) восходит к двум основам: Vogel со значением «птица» и Sang – «пение». Следовательно, фамилию Фогельзанг можно трактовать как «пение птицы». По сути, учитель является демагогом, он всего лишь «перепевает» штампы национализма, он не вкладывает глубокий смысл в свои слова.

После своего доклада, идущего в разрез с официальной государственной идеологией, Бертольд должен сделать выбор, либо извиниться перед учителем за, то что он осмелился осудить подвиг Арминия, либо быть исключенным из школы. Бертольд хочет доказать всем, что он хороший немец: *«Я тоже немец, господин учитель, я такой же настоящий немец, как и вы»* [1, с. 337]. Если он решится отстаивать свою точку зрения, свою правду, он станет плохим немцем, но, если Бертольд решит лгать, то сможет снова стать хорошим немцем для своих одноклассников, однако не для себя, так как для Бертольда его немецкое мировоззрение связано с понятием чести и правды, он считает, что ложь не для истинного немца. *«Мы читали Геббеля «Гиг и его кольцо». Доктор Гейнциус сказал нам, что у Геббеля одна только тема: оскорблённое человеческое достоинство. Laesa humanitas. Потом я читал еще «Ирода и Мариамну». Просто для себя. Мариамна могла спасти свою жизнь, если бы заговорила. Но она не говорит. Она не защищается. Она скорее откусит себе язык. Доктор Гейнциус очень ясно растолковал нам, что такое laesa humanitas. Разве человеческое достоинство было только у древних королей?»* [1, с. 430].

Все попытки Бертольда найти совет и помощь у старшего поколения терпят неудачу, потому что они сами беспомощны. К нему относятся несправедливо и не воспринимают всерьез. Он обращался к своему дяде Ранцову, который помогал ему советом во время написания доклада, но тот не мог разобраться со своими проблемами: *«Я помню все, что ты мне тогда объяснял, дядя Иохим. Лучшие мне никто не говорил о Германе, и я хорошо все усвоил. И именно к этому я вел в своем докладе. Но прежде чем прийти к выводу, я должен же был сначала изложить факты, исторические факты, и изложить их предельно ясно. Неужели я должен теперь пойти туда и признать, что я плохой немец, потому что я сказал правду?»* [1, с. 434] В другое время Ранцов разглядел бы сухость тона Бертольда, как тяжело мальчику и постарался бы ему помочь. Но, к сожалению, в эти дни он был занят собой и посоветовал извиниться: *«Будь благоразумен, Бертольд, послушайся доброго совету Человеку в пятьдесят лет не легко решать, как бы он поступил на твоём месте. В те времена, говорю прямо, я бы на твоём месте*

не стал отрекаться от своих слов. А теперь, я отрекся бы. Для тебя и для все нас будет лучше, если ты этот сделаешь» [1, с. 436].

Даже отец, искренне любящий своего сына, узнав о проблемах Бертольда в гимназии, не захотел ему помочь, так как его самого ожидали трудные и неприятные переговоры, на которых он должен унижаться перед «*истинным*» немцем с целью сохранения мебельной фирмы, поэтому в порыве гнева и ярости, он велел сыну извиниться перед учителем. *«Он должен это сделать. Мне тоже приходится делать многое, что мне не по душе»* [1, с. 416].

Бертольд не находит понимания и у своих близких. Эмиграция в Палестину, предложенная Рут, не представляет для Бертольда возможности решения его конфликта с самим собой. И он нашел для себя другой выход. Не желая поступаться принципами, Бертольд принимает большое количество снотворного и погибает.

Таким образом, Бертольд, для которого понятие истины – значит больше, чем его жизнь, противопоставляется национал-социалистическому режиму, основанному на лжи. Трагедия Бертольда как раз и состоит в том, что насильственно выдавливаемый из Германии, объявленный изгоем, он одновременно не мыслил себя и вне Германии. При этом семнадцатилетний подросток от взрослого поколения отличается готовностью отстаивать свои идеалы и не отрекаться от себя. В отличие от других членов семейства Опперман, для него конфликт ассимиляции обостряется экзистенциально, так как он вырос в Германии и не осознавал себя евреем. Самоубийство молодого человека является своеобразной формой протеста воспитанной на идеалах гуманизма молодой немецкой интеллигенции против надвигающейся коричневой чумы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейхтвангер, Л. Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ. Семья Опперман: пер. с нем. / Л. Фейхтвангер. – М. : Правда, 1982. – 608 с.